

ной общине охотников. Насколько они неосновательны, говорит такой факт. В 1949 г. А. Брейль возле одной из настенных живописных композиций в гроте Ляско нашел доказательства погребения палеолитического охотника, подтвердившие его давнюю гипотезу о том, что композиция создана была в связи с трагической гибелью этого охотника в схватке с бизоном².

Теперь такое объяснение сцены из Ляско можно считать общепринятым в зарубежной науке. Бурдые же видит в ней «... шамана в экстазе... который пытается разъярить быка, чтобы тот погрузил плодородные рога в Мать-Землю» (стр. 27). Что же касается женских изображений в скульптуре палеолита, то советские ученые (П. П. Ефименко, С. Н. Замятин, А. П. Окладников) убедительно доказали, что изображения эти играли прежде всего важную общественную роль и прототипом им служили представления о реально существовавшей женщине — родоначальнице и хранительнице очага. Воплощенная в них идея плодородия относилась прежде всего к общине охотников, а не к Земле или природе «вообще».

Таким образом, космобиологическая концепция не имеет той религиозно-мистической основы, из которой ее хочет вывести Бурдые. Что же касается ее рационального содержания, то здесь Бурдые сближается с советскими учеными. В свое время П. П. Ефименко, А. П. Окладников уже утверждали, что, возникнув в мустьерскую эпоху, зачаточные, неясные представления о мире животных, о Вселенной, о метеорологических явлениях, огне, воде могли сложиться в позднем палеолите в определенную и целостную систему. В частности, олицетворение Вселенной в зооморфных образах было широко распространено на территории Сибири, о чем подробно писал А. П. Окладников³.

Но дело опять-таки в степени развития, сложности этих представлений, зависимости от формировавшего их специфического образа жизни, труда первобытного человечества. В системе, которую предлагает Бурдые, эта зависимость, постепенность усложнения позитивных знаний людей палеолита не признается: рациональные знания здесь соответствуют уровню по крайней мере земледельческих цивилизаций, внимание к Космосу, смене сезонов, растительному миру заслоняют заботы об успехе охоты, разум опережает материальное бытие охотников палеолита.

А ведь именно коллективная охота на крупных зверей, поглощая основные физические и духовные силы людей палеолита, вызывала те впечатления и переживания, из которых родились яркие образы пещерной живописи, скульптуры. Они сохранили волнующее содержание вопреки связи с обрядами охотничьей магии и другими ложными, фантастическими представлениями. Игнорируя общественную, производственную основу представлений, отразившихся в палеолитическом искусстве, Бурдые не может показать его эстетические стороны.

Читателю особенно бросается в глаза это противоречие: если бы он признал, следуя за автором книги, что животные проявляют эмоциональную реакцию на явления природы, то человек стал бы в этом отношении ниже их, потому что совершенно лишен, по воле Бурдые, эмоций и видит вокруг лишь безликие «сущности», идеи.

Автор гипотезы перескакивает через непосредственное чувственное восприятие, конкретные зрительные представления — сразу ко второй, рациональной ступени познания, взятой в «чистом», готовом виде.

Фактически это признание извечности абстракции является таким же идеализмом, как и признание исконности монотеизма.

В целом книга заставляет сделать вывод: спор с «клерикализмом» в зарубежной науке о первобытном искусстве еще далеко не закончен! И всякая попытка склеить новую концепцию из клочков материализма и идеализма, чтобы примирить их — чем и является «космобиологическая» гипотеза Бурдые, — только запутывает выяснение его смысла. В исходе этой борьбы немалую роль могут сыграть работы советских ученых; освещение вопросов сущности первобытного искусства и его происхождения с позиций диалектического материализма является настоящей необходимостью.

Б. Фролов

² См. J. Mageret. L'Homme préhistorique et ses dieux, Arthaud, 1958, стр. 118.

³ См. А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18, М.—Л., 1950, стр. 285—336.

НАРОДЫ СССР

В. А. Александров. *Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край)*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 87, М., 1964, стр. 301.

За последние десятилетия в советской этнографии отчетливо определилось особое направление — историческая этнография, разрабатывающая этнографические проблемы

не по непосредственным наблюдениям, а по письменным документальным материалам, посвященным описанию жизни различных народов. Интересный опыт работы в этой области представляет собой монография В. А. Александрова, посвященная истории формирования русского населения Сибири XVII—начала XVIII в. на примере Енисейского края. Автор поставил перед собой большой вопрос — «как и когда происходило превращение русских переселенцев в важнейшую органическую часть сибирского населения» (стр. 9). Этот вопрос в последнее время приобрел особую актуальность.

Книга В. А. Александрова позволяет видеть, как естественно, в течение длительного времени слагалось русское население Восточной Сибири.

Работа «Русское население Сибири XVII—начала XVIII в.» построена на документальных материалах Сибирского приказа (Центральный государственный архив древних актов—Москва) и отчасти Портфеля Миллера (Архив Академии наук СССР—Ленинград). Автор широко использовал не только официальную переписку — приказные «доклады», разные справки, но и массовые документы делопроизводства — таможенные соболиные и отпусковые книги, дозорные, переписные и крестоприводные книги, приближающиеся по своему характеру к статистическим материалам. Последовательная сплошная обработка этих документов позволила автору получить надежные сведения о численности и движении русского населения и процессе хозяйственного освоения сибирской территории. Исследование начального этапа хозяйственного освоения северной части Енисейского края русскими переселенцами позволило автору подчеркнуть характерную и весьма важную особенность этого процесса. Русские промышленники, стимулируемые развитием пушного предпринимательства, освоили эту территорию задолго до политического присоединения ее к Русскому государству, организации здесь воеводского управления и сети ясачных зимовий. Заслуживает внимания приведенный автором материал о том, что промышленники пытались отстоять свои исключительные права на эксплуатацию пушных богатств освоенных районов и препятствовали установлению здесь политического господства русского феодального государства. Если русские промышленники освоили северные пушные районы Енисейского края (Мангазейский уезд) во второй половине XVI—начале XVII в., то воеводские власти утвердились здесь и объяснили местное население к 1640-м гг., в значительной степени опираясь на опыт промышленников.

Иной характер имело освоение среднего течения Енисея и низовий Ангары (Енисейский уезд). Проникновение сюда промышленников происходило одновременно с обьясачиванием тунгусских и кетских племен.

Находившиеся под властью енисейских киргизов Верховья Енисея, сравнительно бедные пушнинаю, первоначально не привлекали промышленников. Эти районы стали объектом заселения после многолетней борьбы с киргизскими феодалами. Перипетии этой борьбы подробно освещены в работе (стр. 42—58).

В целом хозяйственное освоение и присоединение к России отдельных районов Енисейского края, как убедительно показал автор, находилось в прямой зависимости не от планов царизма, а от стихийного проникновения в эти районы русского населения. Пушной промысел сыграл решающую роль на первом этапе освоения Сибири. Таким образом, проникновение русских промышленных людей в Сибирь следует рассматривать как подлинно народное движение. Интересно и то, что оно не вызвало противодействия со стороны коренного населения, которое было заинтересовано в торговле с пришельцами.

Значительное внимание уделил автор истории превращения переселенцев-русских в коренное сибирское население. Этот этнографический вопрос в нашей литературе освещен очень слабо. Материалы, которые удалось В. А. Александрову ввести в научный оборот, показывают, что темпы и характер образования постоянного русского населения в различных районах края были неодинаковы, хотя в целом процесс превращения переселенцев в постоянное население происходил интенсивно и достаточно быстро. В Мангазейском уезде, хотя его освоение началось раньше районов Енисейска и Красноярска, сложение постоянного населения задерживали промысловый быт, поездки на приморские рынки. Образование оседлых промышленных поселений в низовьях Енисея в непосредственной близости от рыбных песков произошло в середине XVII в. после захвата пушных рынков крупными предпринимателями. Следует отметить указанный автором факт о том, что на Среднем Енисее и в верховьях Нижней Тунгуски возникли сельскохозяйственные поселения, являвшиеся подсобной базой для освоения бесплодных промысловых районов. Попытки создания таких поселений, как известно, делались и на Лене.

Интересно и то, что после падения соболиных промыслов русское население не покинуло Север. Напротив, произошел резкий отлив промышленников далее в тундру, в районы, богатые рыбой и дичью. В начале XVIII в. в бассейне Нижнего Енисея сосредоточилось около двух тысяч русских, по тому времени весьма значительная группа старожилов.

Иные масштабы имел поток русских, захвативших Енисейский уезд: В комплектовании здесь постоянного населения основную роль играли также вольные переселенцы, «гуляющие» люди. Они обосновались в крае в 1640-х гг. Из них к 1670-м гг. об-

разовался костяк старожилов. Автор подробно рассмотрел движение отдельных категорий населения. Социальные группы среди русского населения, как показал В. А. Александров, в целом создавались за счет одного источника — вольных переселенцев, выходцев из среды тяглого населения России.

В конце XVIII в. рост русского населения шел в основном за счет естественного прироста. В Енисейском уезде возникли значительные крестьянские фамильные гнезда, образовавшиеся вследствие выделения из разросшихся больших семей новых тяглецов.

В начале XVIII в. численность русских Енисейского и Красноярского уездов составляла значительную цифру — свыше 25 тыс. чел. — и превысила численность местного коренного населения. Характеризуя пришлое население, автор исследовал его семейный строй. Нам приходилось уже отмечать ценность приведенных В. А. Александровым данных¹. Они позволяют отказаться от проникшего в дореволюционную литературу мнения об общей уродливости семейного быта русских старожилов Сибири. На основе большого архивного материала автор показал, что первые поселенцы не имели семей, первые постоянные семейные поселения русских стали появляться в середине XVII в. за счет вывоза семей из Поморья. Если среди промышленников и служилых людей было много одиночек, то крестьяне и посадские люди были в основном семейными. Значительная часть русских жила большими неразделенными семьями. Такие семьи составляли в 1689—1691 гг. — 33%, в 1719 г. — половину всех крестьянских семей. Большесемейные традиции, несомненно, были принесены из Поморья и сохранились в силу особых потребностей сельскохозяйственного производства Енисейского края. Установление этого факта представляет методологический интерес. Очевидно, в процессе больших миграций переселенцы приносили с собой не только хозяйственные навыки, но и свои традиционные социальные представления о жизни, о семейном укладе, обычаях.

Особый интерес для этнографа представляет глава о происхождении русского населения Енисейского края. В литературе неоднократно приводились свидетельства о том, что значительную часть переселенцев составляли поморы.

В. А. Александров не ограничился приведением отдельных примеров, а статистически обработал таможенные, отпускные и десятинные книги, в которых содержались данные о происхождении промышленников.

Это позволило выявить основные переселенческие потоки. Северные районы Енисейского края заселялись преимущественно чернопашенными крестьянами, переселенцами из северного и центрального Поморья (басейны Пинеги, Мезени, низовий Северной Двины, Вычегды). Выходцы из западного Поморья, сибиряки, волжане составляли незначительную часть переселенцев.

Для характеристики культуры русского старожильского населения большую ценность представляет приведенный в книге материал о русском жилище и селениях. По архивным данным автор восстановил облик городских и сельских дворов, городских кварталов. Весьма важен вывод о том, что в XVII в. в Енисейском крае у русских преобладало трехкамерное жилище. Поморы принесли в Сибирь свое плотничье мастерство и традиции севернорусского зодчества. Таким образом, в XVII в. Енисейский край превратился в область с преобладающей русской культурой.

Значительная часть рецензируемой работы посвящена вопросам, связанным с хозяйственной деятельностью русского населения в Енисейском крае.

Во второй половине XVII в. Енисейский уезд превратился в один из крупнейших сельскохозяйственных районов Сибири. Поморское население, как подчеркнул В. А. Александров, встретило здесь знакомые ландшафтные и климатические условия. Естественно, что оно с успехом использовало свой земледельческий опыт и перенесло сюда традиционные навыки коллективного освоения земли. В доказательство этого автор привел весьма значительный материал о «повальном» коллективном землепользовании. Только объединяя силы, крестьяне могли успешно бороться с тайгой, заниматься распашкой новых земель. Залежно-паровая система требовала значительных трудовых усилий. Коллективное владение землей сочеталось здесь с групповым и индивидуальным владением, хотя земля официально считалась государственной собственностью. Сложившиеся уже в Сибири порядки (передача тягловых обязательств), наличие слабо обжитых районов не позволили правительству осуществить прикрепление крестьян к земле. Ведущее значение в производстве хлеба имело личное хозяйство земледельцев. Имущественная дифференциация шла по линии концентрации земель в руках немногих зажиточных крестьян, посадских, служилых, эксплуатировавших наемный труд. Появившиеся в Енисейском крае крупные земельные церковные хозяйства не оказали заметного влияния на поземельные отношения.

В условиях господства в Российском государстве XVII в. феодальных отношений аграрный строй енисейской деревни приближался к аграрному строю русской деревни. Однако в Сибири крестьяне фактически распоряжались землей, а правительство заботилось о выполнении ими тягловых обязательств.

¹ См. нашу рецензию на «Сибирский этнографический сборник», III, «Сов. этнография», 1962, № 2, стр. 149.

В книге приведен большой материал о пушных и рыбных промыслах Енисейского края. Мангазейский и Енисейский уезды были до 1670-х гг. крупнейшими поставщиками соболя. В отдельные годы здесь добывалось до 100 тыс. соборей. Скрупулезное исследование таможенных книг позволило автору определить численность промышленников и районы соболиных промыслов. Хорошо показаны и рыбные промыслы. Без них не могла развиваться добыча соболя. Рыба была основной пищей промышленников и шла на корм собакам. В развитии соболиных промыслов принял участие цвет столичного купечества, торговые люди Поморья и Поволжья. Изучение их деятельности дало возможность осветить социально-экономические процессы края, в значительной степени характерные для всей страны в целом.

Производство судовых снастей было организовано в Енисейске. В конце XVII в. судостроение уже обеспечивалось местным холстом, пенькой, смолой. Отдельные отрасли ремесла приобрели товарное значение. Несомненный интерес для общей характеристики социально-экономического развития края представляет деятельность крупных местных торгово-промышленных предпринимателей Ушаковых, разбогатевших на винных откупках, хлебной торговле, хлебных поставках в Якутск, Туруханск, мукомольном и кожевенном производствах, соляных промыслах. Автор хорошо показал, что Ушаковы применяли те же методы накопления капиталов, какими пользовались торговые люди европейской части страны. Ушаковы вошли в состав верхушки торговых людей России, но, испытывая недостаток в оборотных средствах, разорились, имущество их было поглощено казной.

Важное место в работе занимает глава, посвященная ремеслу и товарно-промышленному предпринимательству. Во второй половине XVII в. Енисейск превратился в значительный ремесленный центр и оказал немалое воздействие на культурный облик всего края. В енисейском посаде значительную роль играли кузнецы, их изделия распространялись по всей Восточной Сибири, здесь работали серебрянники, медники, мастера, изготовлявшие котлы, броню. К сожалению вопрос о том, насколько енисейское ремесло удовлетворяло местное коренное нерусское население, почти не освещен автором. Значительный материал приведен в книге о развитии солеварения, ростках частнокапиталистического предпринимательства, задушенных вскоре церковными феодалами. Большой размах имел судостроительный промысел. Этим делом занимались русские крестьяне целого ряда деревень Енисейского уезда.

В книге приведен обильный материал о рыночных связях края и сложении здесь во второй половине XVII в. областного рынка с центром в Енисейске. Автор проследил пути и направления грузопотоков. Первоначально Мангазея, Туруханское зимовье и Енисейск были лишь базами по обеспечению «русскими товарами» и хлебом местных соболиных промыслов. В 1640-х гг. енисейский рынок резко расширился в связи с развитием соболиных промыслов на Лене. В это время в Енисейском уезде возникло свое производство хлеба. Так как десятинная пашня не покрывала казенных нужд, то власти обращались к местному хлебному рынку и пытались подчинить его своему контролю. Развитие местного рынка укрепило экономические связи между Енисейским краем и другими областями Восточной Сибири. До 1670-х гг. из Енисейского края на Русь вывозили только пушнину. Она концентрировалась в руках крупных купцов, получавших прибыль против тобольской оценки мехов от 150 до 350%. Основу енисейской торговли составляли русские товары, привозимые крупными купцами, тогда как мелкая посредническая торговля сосредоточилась в руках местных торговцев. Енисейск превратился в конце XVII в. в большой перевалочный пункт на сибирском пути, связывавшем Западную и Восточную Сибирь.

Мы подробно остановились на изложении приведенных В. А. Александровым материалов, чтобы оттенить сделанный им важный вывод о том, что в Сибири проявлялись тенденции, свойственные развитию всего Русского государства. В экономике русских областей Енисейского края автор не обнаружил каких-либо колониальных черт, дискриминации переселившегося населения. К сожалению, это весьма важное положение автор почему-то не сформулировал. Думается, что эта проблема нуждается в обсуждении. Если Сибирь и являлась колонией, то колонией особого типа. В силу исторической специфики, особых географических условий колониальные черты здесь проявлялись в сглаженных, весьма специфических формах. Быстрое хозяйственное развитие Сибири обуславливалось деятельностью пришлого русского населения, вступившего в тесные экономические и бытовые контакты с коренными жителями. Однако автор почти не затронул вопроса об экономических связях пришельцев и аборигенов. Как известно, среди привозных русских товаров значительную часть составляли предметы «на иноземческую руку» — олово, железо, ножи, топоры, бисер, сукно и т. д.

Автор привел отдельные упоминания о переходе местного коренного нерусского населения под влиянием русских крестьян к земледелию по всей вероятности связи между русскими и местными жителями не ограничивались торговлей. Очевидно, и местное население оказало влияние на пришельцев. Однако вопрос о взаимоотношениях между постоянным русским старожильческим населением и коренными жителями фактически обойден в работе.

Вызывает недоумение отсутствие в книге карты Енисейского края и прилегаю-

щих районов. Читателю нелегко самостоятельно установить границы Енисейского, Мангазейского и Красноярского уездов в XVII—XVIII вв., представить пути проникновения русских в Енисейский край из Поморья.

Разумеется, эти недочеты не могут умалять высокую оценку работы. Выход в свет монографии В. А. Александрова представляет собой заметное событие в сибиреведении. Автору удалось не только ввести в научный оборот новый документальный материал, но поставить и в значительной мере разрешить весьма важные принципиальные вопросы истории Сибири XVII—XVIII вв.

И. Гурвич

* * *

История Сибири XVII — начала XVIII в., периода органического включения ее в состав России, за последние полтора-два десятилетия стала предметом пристального внимания советских исследователей.

В. А. Александров впервые в советской исторической литературе решает задачу изучения русского населения Сибири (на материале наиболее типичного для Сибири Енисейского края) сразу в нескольких аспектах — этнографическом, демографическом и историческом. Все разделы книги по содержанию тесно переплетаются между собой и создают целостную картину формирования русского постоянного населения Сибири в процессе ее хозяйственного освоения.

Автор разработал обоснованную периодизацию истории края с конца XVI до начала XVIII в. Первый период (до 40-х гг. XVIII в.) был временем закрепления русских в бассейне Нижнего и Среднего Енисея, временем преобладания промысловых интересов, зарождения земледелия и начала образования постоянного русского населения. Второй период (40—80-е гг. XVII в.) был временем создания развитого по тому времени земледелия, образования массового оседлого русского населения. В третий период (90-е гг. XVII — начало XVIII в.) произошло присоединение южной части края к России, завершилось первоначальное хозяйственное освоение края русскими, старожильческое русское население превратилось в органическую часть коренного населения всего Енисейского края. История первого периода составляет в книге небольшой отдельный раздел («Начало хозяйственного освоения Енисейского края русскими переселенцами и его присоединение к России»), второй и третий периоды рассматриваются вместе по отдельным аспектам. Это несколько нарушает логическую структуру книги, зато создает цельное представление об экономических, социальных и этнических процессах.

Книга написана на основе тщательного, скрупулезного, очень тонкого анализа огромного фактического материала, который автор рассматривает не суммарно, а в деталях, что позволяет ему проследить не только общую динамику развития, но и судьбу десятков и сотен простых крестьян, посадских, промышленных и служилых людей, не только общие хозяйственные успехи, но и бытовой и семейный уклад русских сибиряков. Огромный фактический материал сведен в 48 таблиц.

Не все из 11 глав равноценны по своему значению, но вместе они, дополняя одна другую, создают ценную книгу по истории Сибири. Не хватает лишь обобщающих глав о классовой борьбе и культуре русского населения. Ссылка на перегруженность книги (стр. 10), может быть, убедительная для издательства, читателю кажется неосновательной. Ознакомление с книгой не вызывает сомнений в том, что автор ее располагает богатейшим материалом по культуре русских сибиряков, а проблема классовой борьбы им в значительной мере разработана¹.

В первом разделе нельзя не отметить интересное наблюдение автора о темпах хозяйственного освоения и присоединения трех исторически сложившихся частей Енисейского края: хозяйственное освоение северной части (Мангазейского уезда) началось задолго до политического присоединения его территории к России (стр. 13), в средней части (Енисейском уезде) процессы политического присоединения и проникновения русского населения происходили более или менее одновременно, в южных районах (вошедших в Красноярский уезд) политическое присоединение опережало инициативу стихийного народного продвижения (стр. 33). Это объясняется тем, что пушной промысел был возможен силами пришлого населения, а земледелие, преобладавшее в средней и южной частях края, могло развиваться только при наличии постоянных оседлых жителей. Освоение и заселение Красноярского уезда задерживалось тяжелой борьбой с киргизскими князьями.

Весь второй раздел посвящен важной, но очень слабо исследованной проблеме образования постоянного русского населения и уже поэтому представляет большой

¹ В. А. Александров, Восстания в Сибири в конце XVII в., «Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.», М., 1954; его же, Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в., «Исторические записки», 1957, № 59; его же, Материалы о народных восстаниях в Сибири в конце XVII века, «Археографический ежегодник за 1961 г.», М., 1962.

интерес. В. А. Александров с большой тщательностью выявил общий рост разных социальных групп за ряд лет в Енисейском и Красноярском уездах (табл. 7, 8, 9, 11), а также движение крестьянского населения Енисейского уезда (табл. 10, 12), показал, что Енисейский уезд не только достаточно интенсивно заселялся, но и был своеобразным резервуаром, откуда скопившиеся массы русских переселенцев растекались далее на восток (стр. 99).

Постоянные миграции происходили и внутри края и внутри отдельных уездов, что находит объяснение в главах о хозяйственном и социально-экономическом развитии края. Очень ценны сведения о внутреннем росте крестьянского населения Енисейского и Красноярского уездов (стр. 109—111, табл. 13), о заселении территории русскими (стр. 111—118 с двумя таблицами и карта населенных пунктов Енисейского уезда на стр. 301).

Наиболее активный рост населения Енисейского края автор связывает с мощным переселенческим движением русского населения из Европейской России в годы, предшествовавшие крестьянской войне под руководством Степана Разина, в годы войны и в годы, последовавшие после разгрома крестьянского движения (стр. 105—106).

В главе о семейном строе у русского населения В. А. Александров убедительно показывает, что к 80-м гг. XVII в. основная часть осевших на постоянное жительство русских переселенцев обладала семьями, развитие которых было определяющим моментом в дальнейшем росте местного населения (стр. 140). Правда, с этим выводом в заключении книги («Процесс дальнейшего роста русского населения Енисейского края проходил главным образом за счет его естественного внутреннего развития», стр. 297) можно без колебаний согласиться только применительно к Мангазейскому уезду. В Енисейском уезде, вероятно, а в Красноярском — бесспорно, русское население численно росло больше за счет притока переселенцев, чем в результате естественного внутреннего прироста. Любопытно некоторые особенности образования русских семей в Сибири, приведенных автором.

В краткой рецензии нет возможности да и необходимости останавливаться на всех проблемах, поднимаемых автором. Рассмотрим еще некоторые вопросы социально-экономического характера. Развивая выводы советских исследователей, прежде всего В. И. Шункова, неопровержимо доказавших феодальный строй сибирской деревни, В. А. Александров выдвинул и обосновал ряд принципиальных положений, из которых наибольший интерес представляют вопросы о «повальном» (коллективном) землевладении и о характере и эволюции феодальных повинностей земледельческого населения. «Повальные» сообщества представляли собой добровольные производственные объединения мелких земледельческих хозяйств, «и суть их заключалась в совместном приведении земли в культурное состояние и в защите своих земельных интересов в условиях переделного способа землепользования» (стр. 197).

Индивидуальные земледельческие хозяйства могли существовать, по-видимому, либо при полном подчинении их феодалам, либо при значительно развитых товарно-денежных отношениях. Мелкие, по преимуществу натуральные, хозяйства, не подчиненные в полной мере феодальному собственнику земли (государству), не сумевшему полностью взять на себя роль организатора общественного производства, с неизбежностью должны были объединяться в процессе производства². Если бы долевое землевладение у черносошного крестьянства севернорусских уездов было чисто традиционным, оно не привилось бы в Сибири. По наблюдению В. И. Шункова, в Сибирь шли без семей, потому что мир не мог отпустить всех, и пестрый люд оседал на сибирских землях в одиночку³. И в Енисейском крае «существовали различные формы землевладения — индивидуальные и коллективные» (стр. 197), что естественно, потому что не было чисто натуральных и вполне независимых хозяйств.

Показательно, что «повальные» сообщества в Енисейском крае часто включали в себя представителей различных социальных групп: крестьян, уездных посадских и служилых людей (стр. 187). Возникали они при противодействии властей (стр. 197).

Земельные «повальные» сообщества, способствовавшие освоению земельных площадей, сплачивали близкие между собой социальные группы земледельческого населения в классовой борьбе с феодальным государством за право распоряжения землей, за свободу хозяйственной инициативы (стр. 215), и борьба эта была не безуспешной. «Несмотря на то, что вся сибирская земля считалась государственной собственностью, уже в XVII в. получили широкое распространение формы земельного отчуждения, ярко проявившиеся в многочисленных фактах заклада, обмена, сдачи в наем и даже прямой продажи земли» (стр. 190).

² Теоретическое обоснование этого положения см. в статье: Ю. И. Семенов, Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук, «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1964, № 3, стр. 27 и сл.

³ В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век), М., 1956, стр. 397, 398.

Захват свободных земель, «повальная» форма землевладения и практика отчуждения земельных участков способствовали развитию товарных отношений в енисейском сельском хозяйстве, содействовали имущественной дифференциации и выделению уездной верхушки (стр. 198).

В. А. Александров убедительно доказал, что земледельцам Енисейского края удалось добиться смягчения крепостнических форм общественных отношений, несмотря на все усилия центральной и местной воеводской власти распространить на Сибирь крепостнические порядки в полном объеме (стр. 202—216). Аргументированные положения книги об успехах земледельцев, и прежде всего крестьян, Енисейского края в борьбе с феодальным государством, пусть успехах очень трудных и не очень заметных, имеют принципиальное значение для истории всего крестьянства России. Они показывают ошибочность традиционного представления о неуклонном ухудшении экономического и правового положения крестьянства в период позднего феодализма⁴.

В. А. Александров, рассматривая пушной промысел, имевший товарный характер, выяснил, что ведущее место в нем занимало крупное купечество центральных и поморских городов России. Используя «экономические затруднения» массы промышленников, купцы удерживали ключевые позиции на пушных рынках, закабалили мелких промышленников ссудами и сами организовывали крупные промысловые предприятия, добывая значительную часть ценных мехов через своих «покрученников» (в 1630—1631 гг. им принадлежало до 30—40% ежегодной добычи мехов, стр. 234). Однако крупное купечество не смогло монополизировать пушной промысел, и не только из-за недостатка наличных денег и кредита (стр. 282—284), но и потому, что в промысле «участвовали сотни поморских промышленников-своеужинников, вкладывавших в подготовку промыслов весьма значительные средства» (стр. 229)⁵.

В книге прослеживается процесс социального расслоения среди промышленников, из среды которых «выделялись настоящие предприниматели, ходившие вместе со своими покрученниками на промыслы», и многочисленные покрученники (стр. 233). Это доказано с такой убедительностью, что не вызывает возражений. Возражение может вызывать только безоговорочное утверждение, что «с годами удельный вес добытых мехов, полученных торговыми людьми от покрученников, увеличивался по сравнению с добычей промышленников; ватаги покрученников росли, а численность промышленников падала» (стр. 233). Дело в том, что процесс социального расслоения среди промышленников в XVII в. оказывался в значительной мере обратимым, что отчетливо прослеживается на материалах рецензируемой книги. Часть капиталов, нажитых на пушных промыслах, отливала в другие сферы производства, либо обращалась в торговый капитал (стр. 236, 237). Разорвавшиеся промышленники не только пополняли ватаги покрученников, но садились в Сибири на землю и пополняли отряд наемных сельскохозяйственных работников (стр. 196, 198). Мелкотоварный уклад в пушном промысле, несмотря на расслоение среди мелких и средних промышленников, не терял своего значения, потому что постоянно получал пополнение за счет притока все новых и новых промышленных людей⁶, и это, кстати сказать, отлично показано в книге (стр. 218, табл. 35).

В работе встречаются отдельные неточности. На стр. 41, в сноске, утверждается, что первая таможенная книга, содержащая перечень промышленников, «являвших» в Енисейске добытые меха, сохранилась только за 1630 г. Однако такая же книга сохранилась и за 1629 г., когда промышленники добыли, по-видимому, рекордное за всю историю енисейского промысла количество соболей — 33334⁷. На стр. 116 написано, что село Есаулово, деревни Березовка и Лодейская находились на левом берегу Енисея. В действительности Лодейская находилась в пределах современного Красноярска, а Березовка и Есаулово находятся неподалеку от Красноярска на правом берегу Енисея. На стр. 160 слобода на Енисее называется Дубчесской, в других случаях — Дубчасской. На стр. 289, со ссылкой на С. В. Бахрушина, отмечено, что в 1695/96 г. в Красноярске было собрано десятинной пошлины 20 сороков соболиных шуруков. Действительно, в книге С. В. Бахрушина «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» написано: «20 сороков соболей (т. е. 200 соболей)»⁸. Однако здесь явная ошибка. Надо читать: «20 соболей». Подобные мелкие неточности, которых очень мало в большой

⁴ Подробно это положение развито на материале патриарших владений XVII в. в статье: А. Н. Сахаров, Антикрупостнические тенденции в русской деревне XVII века, «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 69—96.

⁵ С. В. Бахрушин не придавал существенного значения самостоятельному промыслу мелких промышленников. См. С. В. Бахрушин, Покрута на соболиных промыслах XVII в., Научные труды, т. III, ч. I, М., 1955, стр. 198 и сл.

⁶ Подробнее об этом см.: П. Н. Павлов, О социальных отношениях на соболином промысле в Енисейском крае в XVII в., Сборник «Из истории Красноярского края», «Уч. записки Красноярского пединститута», т. 26, вып. 1, 1964.

⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 19, лл. 868—927.

⁸ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV, М., 1959, стр. 116.

книге, и отдельные спорные или недостаточно развитые положения не умаляют достоинства работы В. А. Александрова.

Советская историография обогатилась серьезной книгой по истории Сибири. Можно только пожалеть, что книга издана небольшим тиражом.

П. Павлов

Исследования по материальной культуре мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. II, под редакцией В. Н. Белицер, К. А. Коткова. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. 86, стр.

Сборник посвящен изучению хозяйства, традиционной пищи и домашней утвари, поселений и жилищ одного из крупных народов Среднего Поволжья — мордвы¹. Указанные вопросы до настоящего времени не нашли еще достаточно полного освещения в имеющейся исторической литературе, между тем изучение их дает дополнительный материал к этногенезу мордовского народа, позволяет выявить культурно-бытовые взаимосвязи мордвы с соседними народами — русскими, татарами, чувашами, показать развитие элементов материальной культуры в различных социально-экономических условиях. Важным является выяснение истории мелких этнических подразделений мордовского народа — каратаев, терюхан, теньгушевской мордвы и др.

Сборник написан на основании больших полевых данных, собранных во время многочисленных этнографических экспедиций, археологических раскопок, привлечения архивных и рукописных источников, музейных коллекций. В научный оборот введены новые материалы, представляющие значительный интерес для истории народов многонационального Среднего Поволжья. Все статьи сборника прекрасно иллюстрированы. К работе приложен словарь местных терминов на языках мокши и эрзи.

Обратимся к рассмотрению отдельных работ.

М. Ф. Жиганов в статье «Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв.», описывая сельское хозяйство, технику земледелия, скотоводство, ремесла и торговые связи, отвергает мнение некоторых историков XIX в. (Г. Перетяткович, Н. Фирсов и др.) о примитивном, застойном уровне хозяйства мордвы того периода, считавших, что даже после XVI в. оно базировалось на звероловстве и других первобытных промыслах. Приводимые автором материалы неопровержимо свидетельствуют о наличии у мордвы в тот период трехпольной системы земледелия, развитых сельскохозяйственных орудий, различных ремесел (особенно металлообработки), промыслов, говорят о широких торговых связях мордвы с русскими княжествами, булгарами и другими народами. Весьма убедительно показано М. Ф. Жигановым наличие у мордвы сложившейся феодальной собственности на землю. Однако некоторые высказывания автора о трехпольной системе земледелия и причинах ее появления в крае вызывают сомнение.

М. Ф. Жиганов согласен с А. В. Кирьяновым в том, что трехполье возникло у мордвы около X в. н. э. (стр. 29). Вместе с тем, на стр. 18 без должной аргументации утверждается, что «в XIII—XIV вв. трехпольная система земледелия... только начала внедряться». В работе проводится мысль о том, что «передовую по тому времени трехпольную систему земледелия мордва заимствовала от русских крестьян, бежавших в земли мордвы от тяжелого феодально-крепостнического ига». Однако в свете изложенных самим же автором материалов это положение нам представляется не вполне правильным. Если считать, что уже в X в. «у мордвы земледелие стало занимать ведущее место в хозяйстве» (стр. 7) и что на грани первого и второго тысячелетий «...мордовские земли стали районом относительно высокой земледельческой культуры и развитого скотоводства» (стр. 75), есть основания предполагать, что трехпольная система земледелия появилась не только вследствие заимствования от русских крестьян (кстати, с таким же основанием можно считать, что она была заимствована у булгар, с которыми у мордвы были тесные экономические связи), но и в результате самостоятельного развития на данной территории. В настоящее время, как известно, подтверждено мнение П. П. Ефименко, приводимое в работе (стр. 7), о том, что процесс пашенного земледелия проходил примерно одновременно во всей средней лесной полосе, в частности и в районах, заселенных мордвой. Нам думается, что русские крестьяне, засе-

¹ В сборнике помещены статьи: М. Ф. Жиганов, Из истории хозяйства мордвы XIII—XVI вв.; А. П. Новицкая и Т. П. Федянович, Сельскохозяйственные орудия мордовских крестьян в XIX — нач. XX в.; Е. И. Динес, Традиционная пища и домашняя утварь мордвы; Е. И. Горюнова, Развитие жилища у мордвы; Н. П. Макушин, Поселения мордвы на территории Мордовской АССР; В. Н. Белицер, Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половины XX в.; Н. П. Макушин, Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР в конце XIX — первой половине XX в.; В. Н. Белицер, Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР.